

Кавказ Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 113-117

В. И. Сарияниди Статуэтка лошади с Алтын-депе

Среди многих предположений о месте одомашнивания лошади на Древнем Востоке существует теория, по которой это могли быть степные области Средней Азии, откуда уже в domesticiрованном виде лошадь распространилась в Месопотамию, Малую Азию, Египет и Индию. Однако между этими двумя огромными регионами на крайнем юго-западе Средней Азии располагается промежуточная зона оседло-земледельческих поселений, как бы разграничивающая между собой пастушеско-скотоводческие племена бескрайних степных просторов Средней Азии и общинников традиционно-земледельческих центров Древнего Востока. Очевидно, что в таком случае предполагаемое южное проникновение одомашненной лошади должно было в какой-то степени отразиться в культуре этой контактной зоны, и в первую очередь на территории Южного Туркменистана.. Посмотрим, как же соотносится эта гипотеза с имеющимися данными. Отсутствие письменных памятников заставляет нас обратиться к чисто археологическим источникам.

Сразу же отметим, что по своему характеру соответствующие археологические материалы из Южного Туркменистана распадаются на две хронологические группы, грань между которыми падает на рубеж III—II тыс. до н. э.

Сначала обратимся к материалам более раннего времени. Хотя имеется достаточно большая фаунистическая коллекция эпохи неолита, энеолита и ранней бронзы с разных поселений Южного Туркменистана, среди палеозоологов нет единого мнения о том, кому принадлежат соответствующие кости — лошади или кулану? Одни считают их, несомненно, принадлежащими домашней лошади (Дюрст), другие — кулану (В. И. Цалкин), третьи вообще затрудняются в точном видовом определении (А. Шевченко)¹.

Все это заставляет нас обратиться к другому виду археологических источников — мелкой терракотовой пластике. В настоящее время в нашем распоряжении имеется достаточно большое собрание зооморфной пластики VI—III тыс. до н. э. В подавляющем большинстве эти глиняные фигурки изображают представителей крупного и мелкого рогатого скота и вылеплены настолько обобщенно и схематично, что с трудом поддаются видовому определению. Правда, судя по некоторым стилистическим деталям (грива), некоторые статуэтки животных рубежа IV—III тыс. до н. э. условно определяются как изображения куланов или лошадей². К сказанному добавим еще находку в слоях IV тыс. до н. э. на Кара-депе обломка сосуда с возможным рисунком лошади³.

Известные к настоящему времени материалы еще недостаточны для решения проблемы в целом. Вместе с тем, если негативное заключение палеозоологов можно объяснить трудностью определения в различиях костей домашней лошади от дикой, особенно на ранних стадиях ее domestикации, то отсутствие каких-либо прямых свидетельств в чисто археологических материалах приобретает особую значимость⁴. Все это заставляет предполагать, что в рассматриваемое время местные

южнотуркменистанские племена скорее всего были знакомы с дикой лошадью и куланом, возможно, являвшимися объектом охоты⁵

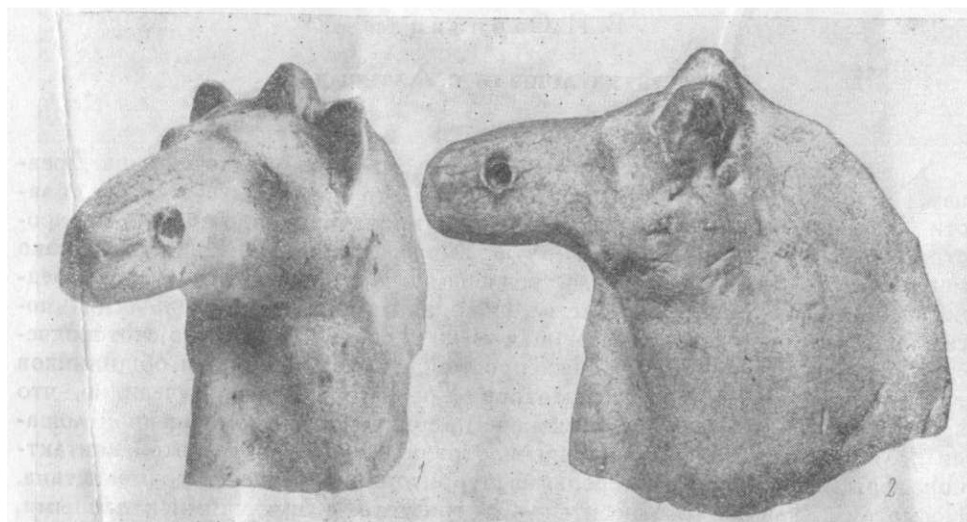

Рис. 1. Терракотовая головка лошади с поселения Алтын-депе (Л 2)

Несколько иная картина наблюдается в следующий период — в эпоху ранней бронзы. Именно тогда начинают встречаться хотя и единичные, но бесспорные свидетельства знакомства местных племен с одомашненным верблюдом, а в начале II тыс. до н. э. — и с domesticiрованной лошадью. Так, уже в слоях позднего Намазга IV (последние века III тыс. до н. э.) появляются терракотовые модели повозок, к передней части которых приделаны скульптурные изображения головок верблюдов на длинных изогнутых шеях. Количество подобных находок резко увеличивается в последующее время и тем более показательно, что на фоне многих десятков подобных образцов до сих пор известны лишь два экземпляра, изображающих лошадь: с Алтын-депе и Улуг-депе.

Особого интереса заслуживает находка верхней части статуэтки лошади на поселении Алтын-депе. Здесь, на месте предполагаемого монументального здания, в ходе небольших разведочных раскопок была обнаружена статуэтка. Судя по сопровождающему ее керамическому материалу, слой, в котором она находилась, датируется первой половиной II тыс. до н. э.

Фигурка изготовлена из высококачественной красноватого цвета глины, хорошего обжига, снаружи нанесен светлый ангоб. Головка лошади имеет слегка горбоносый профиль с резко выдающимися скуловыми гребнями, рельефными надбровными бугорками и торчащими ушами (рис. 1). Тщательно моделированная, плавно изогнутая высокая грива имеет выстрижку между ушей, образующую конической формы невысокий султан. В передней части морды — сквозное отверстие, видимо, для узды. В целом статуэтка выполнена с незаурядным мастерством и изображает, по-видимому, породистую лошадь, отдаленно напоминающую знаменитых ахалтекинских скакунов.

Аналогичного типа терракотовая головка лошади также с коническим султаном между ушей, но выполненная более обобщенно и схематично найдена на поверхности поселения Улуг-депе и, видимо, относится к тому же времени, что и предыдущая.

Стилистические особенности рассмотренных терракот (стриженная грива, специальный султан) не оставляют сомнений в том, что перед нами изображения домашних лошадей — первое достоверное свидетельство знакомства местных

племен с этим видом животного. В свете имеющихся археологических наблюдений достаточно широкое распространение домашней лошади в Южном Туркменистане относится ко времени не ранее рубежа III—II тыс. до н. э., что как будто находит подтверждение и в соответствующих фаунистических остатках. Так, по В. И. Цалкину, в большом фаунистическом материале эпохи неолита и энеолита кости домашних лошадей совсем отсутствуют, зато достаточно полно они представлены в остеологических материалах эпохи развития бронзы. «Видимо, начиная с этого времени, домашняя лошадь становится в Южной Туркмении обычной и получает широкое распространение»⁶.

Суммируя известные материалы, можно предполагать, что уже к середине III тыс. до н. э. местные племена в качестве тягловой силы использовали верблюда. Судя по терракотовым моделям, верблюдов впрягали в тяжелые двухосные повозки с прямоугольными в плане кузовами. Несколько позднее, во II тыс. до н. э., для этих целей могли использовать и крупный рогатый скот, о чем можно судить по находке модели повозки с Улуг-депе с приделанной к ее передней части скульптурной головкой быка⁷.

Очевидно, в полупустынных условиях Закаспия разведение, содержание и использование верблюда в хозяйстве являлось наиболее выгодным и экономичным.

Вместе с тем среди многих десятков образцов моделей двухосных повозок отмечены единичные, но одноосные, происходящие из слоев II тыс. до н. э., причем колеса их имеют четко выделенные ступицы и иногда специально нарисованные спицы⁸.

К сожалению, ни одна из таких моделей не сохранила скульптурного изображения животного — мы не знаем точно, впрягались ли в них лошади или верблюды. Считается, что подобные одноосные модельки, колеса которых были не сплошные, а на спицах, являлись уже изображениями не простых повозок, а колесниц, возможно парадных или боевых. По С. Пигготту, четырехколесные неуклюжие повозки характерны для равнинных областей, а двухколесные, как более мобильные, — преимущественно для горных⁹.

Возвращаясь к рассматриваемым статуэткам лошадей, следует отметить, что они изображают не рабочую лошадь пахаря-земледельца, а либо верховую, либо парадную, предназначенную для боевых или церемониальных колесниц. Не исключено, что такие головки и были приделаны к одноосным моделям колесниц.

По общему облику обе статуэтки, особенно с Алтын-депе, могут быть сопоставлены с изображениями голов лошадей на многочисленных ассирийских рельефах. Особенно показательна характерная стрижка гривы и наличие султана. На ассирийских экземплярах головы лошадей обычно украшены веерообразными «плюмажами», но в единичных случаях отмечаются и конической формы султаны. Точно такие же султаны у лошадей известны на рисунках, гравированных на шкатулке слоновой кости из Зивие.

Хотя мы пока не знаем ни одного изображения лошади в степных культурах Средней Азии эпохи бронзы, приведенные сопоставления склоняют к мысли, что домашняя лошадь в традиционно-земледельческих оазисах Южного Туркменистана была заимствована из городских центров Передней Азии. Если такое допущение подтвердится в будущем, то следует с большей осторожностью относиться к существующей теории о распространении колесницы (запряженной лошадьми) в Передней Азии вторгшимися племенами индоиранского происхождения из степных областей Средней Азии — места их первоначального обитания¹⁰. Имеющиеся прямые археологические факты из Южного Туркменистана периода 2000—1500 гг. до н. э. (Намазга V) пока не подтверждают такого предположения. Если эта гипотеза и правомерна, то предполагаемое распространение индоиранских племен может быть отнесено ко второй половине II тыс. до н. э. (Намазга VI), когда действительно на

ряде поселений Южного Туркменистана наблюдаются бесспорные свидетельства контакта земледельческих и степных культур". И в этом случае налицо лишь общие контуры былых исторических событий, конкретизация которых требует еще больших дополнительных исследований. Мы до сих пор не знаем, были ли это вполне мирные соседские отношения, столь естественные для контактной зоны, или перед нами свидетельства драматических событий, связанных с вторжением пастушеских племен в традиционно-земледельческие центры Передней Азии. Как бы то ни было, на современном уровне наших знаний промежуточная территория Южного Туркменистана не дает пока никаких прямых археологических фактов, которые бы подтверждали предполагаемую теорию о расселении индоиранских племен в указанном направлении.

Нам осталось отметить, что рассмотренные две статуэтки лошадей интересны еще и в том отношении, что они указывают на достаточно далеко зашедший процесс дифференциации местного общества. Действительно, только обособившаяся от рядовой массы знать могла содержать породистых коней, не связанных непосредственно с производством материальных благ. Отсутствие письменных источников еще долго будет служить серьезным препятствием к окончательному решению вопроса о характере общественного строя местного общества эпохи бронзы. Отметим лишь, что, по данным хозяйственных документов (Рас Шамра, Боказкей) и крито-микенских архивов (Кносс — Пилос), в середине II тыс. до н. э. одной из самых распространенных прослоек знати в ближневосточных и средиземноморских государствах были колесничие¹².

¹ См. обзор: *В.И. Цалкин*. Древнейшие домашние животные Средней Азии. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», т. XXV. М., 1970.

² *В.М. Массон*. Кара-депе у Артыка. «Труды ЮТАКЭ», т. X. Ашхабад, 1960, стр. 368; *В.И. Сарияниди*. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, БЗ—8. М., 1965, стр. 38, табл. XXVII, 8, 9.

³ *И.Н. Хлопин*. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. САИ, БЗ—8. М.-Л., 1963, стр. 12, табл. XXIV, 9.

⁴ Для примера отметим, что в Месопотамии появление пиктограммы колесного транспорта относится уже к IV тыс. до н. э. См. обзор: *S. Piggott*. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence. Proceedings of the Prehistorian Society. Vol. XXXIV. N 8. Cambridge. 1968.

⁵ Ср.: *Б.А. Куфтин*. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры

первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. «Труды ЮТАКЭ», т. VII, 1956, стр. 283; *И.Н. Хлопин*. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М. Л., 1964, стр. 110.

⁶ *В.И. Цалкин*. Древнейшие домашние животные Средней Азии, стр. 155.

⁷ Неопубликованные материалы автора.

⁸ *Б.А. Куфтин*. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ..., рис. 27.

⁹ *S. Piggott*. The Earliest Wheeled... fig., 310.

¹⁰ *И.М. Дьяконов*. История Мидии. М.-Л., 1956, стр. 124, 125.

¹¹ *А.Ф. Ганялин*. Теккем-Тепе. («Труды Института истории, археологии I и этнографии АН Туркм. ССР», т. П. Ашхабад, 1956.

¹² Более подробно см.: *П.М. Кожин*. Кносские колесницы. Сб. «Археология Старого и Нового Света». М., 1966. 76—81.